

Часть первая НАЧАЛО ПУТИ

Пролог

*Амурский плес близ будущего Хабаровска,
7166 год от сотворения мира*

Богдойцы налетели неожиданно, когда Онуфрий Степанов уже было поверил, что его отряду удалось выбраться. Из-за острова вывалилась армада из полусотни бусов и устремила к семи русским судам-дощаникам, стоявшим у берега. На казаков обрушился огненный вал из множества пушек, пицалей. Тучи стрел взвились в небо, чтобы в следующий момент смертельным дождем пролиться на палубы русских стругов. Три судна мгновенно занялись пожаром. Едва ли не сотня казаков пала в самом начале сражения.

Но бой не кончился. Когда богдойская флотилия вплотную подобралась к русским судам, покореженным огнем, с порванными и обгоревшими парусами, с выбитыми ядрами досками бортов, с казачьих стругов раздался залп. Казалось, огонь шел отовсюду. За первым залпом последовал второй. Несколько бусов загорелось. В воду падали воины богдойцев и их союзников. Враг отхлынул от берега к острову. Степанов окинул взглядом остатки своего полка.

Да, от пятисотенного отряда осталось меньше двухсот воинов. Кого-то он сам под началом своего ближника Клима отправил в охранение (теперь те были отрезаны от основного отряда и, наверное, уходили в Нерчинск, на соединение с отрядом воеводы Пашкова). Кто-то с Артемкой Петриловским, племяшем его друга Хабарова, много лет назад уговорившего Степанова на амурскую авантюру, в первые же минуты бежал на берег и, сбив заслон из союзных с богдойцами дючеров, исчез в лесу. Кто-то погиб или сейчас отходил, прося о смерти как о помощи. Мало людей, совсем мало.

Рядом с ним с таким же, совсем не веселым выражением лица стоял мудрый атаман Петр Бекетов. Богдойцы, получив отпор, медлили. Видимо, поначалу надеялись взять казну, да и суда, целиком. Теперь уже шадить не будут.

— Ты, Петр Иванович, — медленно проговорил Онуфрий, — вот что... Людишек собирай, да уходите, пока силы есть. Иди к воеводе Пашкову. С ним отобьетесь.

— А ты, атаман? — глянул на Онуфрия Бекетов.

— Твоя правда, Петр Иванович. Я атаман, мне и ответ держать. Пусть со мной останется десяток охочих казаков. Всех прочих уводи.

— Негоже так, Кузнец!

— Гоже. Атаманским словом приказываю.

Бекетов опустил голову. Он понимал, что атаман прав. Да только неправильной была эта правда. Но многолетняя выучка взяла свое. И к тому мигу, когда богдойские бусы вновь направились к стругам, на них оставались только сам Степанов да десяток самых верных его людей, что решили принять смерть вместе с ним.

Атаман Онуфрий Степанов по прозвищу Кузнец быстро объяснил дружкам любезным свою мысль. Простую мысль. Каждый отходит на целый струг, разливает по палубе масло, запаливает смоляную

ветку и ждет. Если силы есть, отстреливается. Как подойдут богдойцы вплотную, нужно поджечь корабль. А там как бог выведет. Кому суждено остаться живым, будет жить. А кому не суждено, то так тому и быть.

Про себя каждый понимал, что нет, не суждено. Но надежда жила во всех. Во всех, кроме самого атамана. Он не стал себе врать. Снарядил ружье, спокойно проверил запальный заряд на полке, подпалил ветку, поближе положил любимый топор, если, бог даст, дойдет до схватки.

Бусы подходили всё ближе. Степанов смотрел не на них. В последний раз окинул он взглядом желтые волны великой реки, сопки, поросшие соснами и летней травой... Как же так вышло, как же всё так быстро кончилось? Ведь была же мечта — если не найти, то построить ее, страну Беловодье, где люди живут вольно и радостно. Немного везения не хватило. Ведь могло же оно выйти и иначе. Могло?

«Могло», — прошелестели волны, набегающие на пологий берег.

«Могло», — прошептали сосны.

«Могло», — проговорило небо над великой рекой.

Но Онуфрий уже не слышал их. Он прицелился и выстрелил в подплывающий вражий корабль. Начинался его последний бой.

Глава 1 **ХАБАРОВСК**

2000 год от Рождества Христова

С самого рождения судьба у меня была не то чтобы плохая — нет, не хочу бога гневить. Есть те, кому гораздо хуже. Намного, намного хуже. Скажем, какие-нибудь политики, чиновники или, к примеру, тяжело и безнадежно больные. Просто каждый раз,

когда мне начинало казаться, что за спиной вот-вот раскроются крылья, кто-нибудь эти отростки отстригал. И так всю жизнь. Ну, не всю, конечно, но большую ее часть это точно. Но начну по порядку.

Родился я в замечательном городе Хабаровске уже почти три десятка лет назад. И вот тут мне точно повезло. Город у нас классный (по крайней мере, я так думаю, а что думают другие — это проблема тех самых других).

Еще в юности я пошел в секцию бокса. Не потому, что сильно тянуло или чтобы кому-то очень плохому и сильному отомстить, а просто за компанию. Мой друг очень хотел быть суперменом, хотя слова такого он еще не знал. Фильм этот я только в 1990-е в первых видеосалонах посмотрел. Так себе фильм.

Но вернемся к моей истории. Поскольку слово «боксер» в мои юные годы обладало особым звучанием, то друг решил, что путь в супермены лежит через квадрат, обтянутый канатами. Друга хватило на год. А я остался. Почему? Да шут его знает. Просто не люблю, когда кто-то за меня решает.

На первом же соревновании я продул. Стыдно продул. Как у нас говорят, в одну калитку продул. Весь бой искал пятый угол на ринге. Вот тренер мне и порекомендовал бросить. Мол, занимайся, парень, настольным теннисом, а в мужские виды спорта не лезь.

Я обиделся. На следующий день назло ему приперся на тренировку с изрядным фингалом под глазом. Тренер промолчал. Я остался. Постепенно стало получаться. Пошли победы на ринге, разряды, поездки. Уже в вузовской команде я выполнил кандидата в мастера, попал в сборную. Тут всё и кончилось.

На первом же международном турнире в почти выигранном бою нарвался на встречный. Нет, не поезд, но не намного лучше. Это когда твое движение вперед к противнику совпадает с движением его

перчатки в сторону твоего носа. Словом, звездочки брызнули из моих глаз во все стороны, а пол совершенно неожиданно оказался совсем близко к физиономии.

Отходил я долго. После того, как отошел, умный врач вежливо покашлял, посмотрел на мои бумажки и... запретил мне выступать. Плохо? Наверное. Но я решил, что всё, что ни делается — к лучшему. Мне уже целых восемнадцать лет, а я еще не знаю, с какой стороны к девушкам подходят. При двух тренировках в день и попытках при этом как-то учиться на девушек времени не находилось.

Познакомился. И как-то так удачно познакомился. Через месяц уже чувствовал себя безнадежно и смертельно влюбленным. Караулил свою возлюбленную у здания политехнического института, где она училась, дарил цветы, провожал до дома, даже стихи читал про чувства. Мы долго целовались в подъезде. И всё. Дальше как-то не выходило.

Правда, оказалось, что личная жизнь занимает времени куда больше, чем самые напряженные тренировки. А сессию отменить забыли. В результате я вылетел из института и примерил замечательные кирзовые сапоги и форму с погонами. Девушка на проводы не пришла, а через три месяца написала, что выходит замуж.

Огорчился я тогда страшно: как-то привык уже ее своей считать. Думал, пойду в караул да застрелюсь. Сейчас понимаю, что детский сад, но тогда страдал, даже очень. Впрочем, перестрадал тоже быстро и решил жить дальше.

В армии служил без изысков. Не десант и не спецназ. Войска ПВО. Ночные дежурства, короткий сон и новое дежурство. Ужасы дедовщины, про которые много читал потом, как-то прошли мимо. Отслужил.

По возвращении решил поднажать на учебу. Учился на истфаке. Большая часть преподавов были

тоскливо-партийными и идейно-коммунистическими. С истфака тогда историки не особенно часто выпускались: в основном шли или в партийные органы, или в КГБ. Потому и преподы были очень правильные. Барабанили материал, как по уставу.

Но были и звездочки. Один из них преподавал историю Дальнего Востока. То есть историю того места, где я и жил. Это было прикольно: вдруг понять, что сражение с племенем дючеров (это такой народ, который жил на Амуре до прихода русских и угнетал будущие малые народности Приамурья) происходило на территории городка Биробиджан (он в 160 километрах от моего родного города). А возле самого родного города Хабаровска, на высоком берегу Амура высилась крепость Косогорский острог — первая русская столица Приамурья.

Я стал ходить к нему на факультатив, на кружок и даже домой. И — едва не послал всё это к той самой милой матери. Лекции, книжки про историю, рассказы были необычны, увлекательны. А вот работа историка — как говорил наш препод, «верстак историка», — мне понравилась намного меньше. Оказалось, что история — это бесконечное копание в старых бумажках, таможенных книгах, доносах, челобитных с тем, чтобы вытащить из них кусочек прошлого. Пожилые «девочки» в архивах выкладывали на стол пухлые «дела» про далекое прошлое. В этой пыльной макулатуре и приходилось просиживать днями и неделями. Этого мало: приходилось читать кучу книг по теории, по связанным с моими героями событиям. Словом, я потихоньку превращался в архивную крысу.

Как-то утром, встав перед зеркалом, я увидел вполне откровенно намечающийся животик. Огорченный увиденным, решил потихоньку начать тренироваться. Нет, не бокс. Но к тому времени уже появились качалки, где за деньги можно было потягать штангу, гантели, подергать тренажеры. Утром

пробежка, вечером — тренировка. Постепенно привел себя в порядок.

Но историю не бросил. Архивы и качалки благополучно совместились. И даже девушки стали появляться. Правда, я старался не влюбляться: сильно обжег меня первый опыт. В общем, как-то жил.

На досуге увлекся старым оружием. Даже не мечами, хотя это тоже прикольно, а первым огнестрелом на Руси. Запоем читал про пищали, ручницы, фитили и кремнёвые замки. На заводе, где работали мои одноклассники, я даже смог сделать пару таких. Понятно, что наличие фрезерного и токарного станков позволяло мне то, что не смог бы сделать кузнец четыре столетия назад. Но мне казалось, что я просто супермастеровой. Даже стрелял из них за городом, на берегу Амура. Занятие было то еще: ведь это тебе не магазин в «макарове» снарядить. Ничего, справлялся.

В какой-то момент я всё свободное время стал проводить на заводе. Даже архивы забросил. Не совсем: диплом-то писать было надо, но огонь куда-то делся. Ну не ученый я. Делать что-то мне по-любому интереснее, чем изучать, как кто-то что-то делал.

На досуге стал часто думать про наш край. Он же правда необычный. Далек от всего. Европа понятно: «Потому что путь непрост — целых десять тысяч верст». Это я еще со школы помню. Но ведь и Азия далеко. Ну, обжитая Азия. У нас теплее, чем в Сибири. Пшеница растет, соя. Под Владиком виноград и арбузы вызревают.

Люди всё больше предприимчивые, вольные. Кто не крутится, нормально не живет. Только как-то так получается, что нас всё время в какое-то стойло стараются загнать, причем чужое. То царь Петя под номером один устроил из нашей земли каторгу, чтобы серебро, медь, олово из нее выкачивать. Потом, в начале двадцатого века, сделали из нашей земли военный лагерь. То в недавнем прошлом из Дальнего Востока один ГУЛаг устроили с военными городками:

ты или сидишь, или охраняешь. В крайнем случае работаешь на заводе по обеспечению тех, кто охраняет. Как-то всё неправильно. Так я жил себе и думал.

Тут и СССР кончился. В провинциальном Хабаровске это было странно: какой-то ГКЧП кого-то от кого-то спасает или не спасает. Был митинг на центральной площади, где все были против. Я, конечно, тоже. В смысле за Ельцина и против ГКЧП. Типа мы за всё хорошее, против всей чушни.

Так, вуз я закончил уже в России. Закончил с красным дипломом и рекомендацией в аспирантуру. В СССР это было бы круто. А в России? Шут его знает... Там какие-то биржи появились, купи-продайки всякие. Я не то чтобы очень сильно топил за Советы, просто оно как-то слишком резко поменялось, не дав даже минуты, чтобы подумать, сообразить, что к чему. А для меня тем более. Почему?

Как раз тогда один за другим ушли родители. Даже не родители, а мама и папа — самые дорогие люди на этом свете. Олигархами они не были: мама — врач, папа — преподаватель. Но по тем годам жили мы нормально, про хлеб насущный особо не задумывались. Книжки читали, вместе в походы ходили, на озеро лотосов ездили. Теперь вдруг я один оказался, да и проблема, где брать деньги, встала во весь рост. Осталась двухкомнатная квартира почти в центре города, на улице Серышева, и всё.

На то, чтобы думать, времени уже совсем не стало. Попробовал и я бизнесом заниматься. Что-то получалось, что-то нет. Только стремно это было, да и как-то... странно. Партнеры кидают, с какими-то «крышами» надо договариваться... Нет, я, конечно, договаривался: не тупее других. Только пить не с друзьями, а с неприятными мужиками в бане, возить им конверты с «искренней благодарностью в долларах» было совсем не радостно. И понимать надо, что пить здесь — не отдых, а работа такая. Тошная, надо сказать. Голова потом болит, начинаешь не-

навидеть всё вокруг. Особого куража у меня лихие деньги не вызывали. И жить на грани, когда или ты, или тебя, мне сильно не нравилось.

Чтобы как-то не совсем в коммерса превратиться, я даже в аспирантуру поступил. И не просто поступил, а что-то делал. Конечно, не рвал жилы на почве разгрызания гранита науки, но и не бездельничал уж совсем.

Так и жил между двух миров. В первом ходил в малиновом пиджаке, пил водку с правильными пацанами, продавал и покупал всё, что продавалось и покупалось, носил оформленную в ментовке пушку. Даже пару раз пулял. Во втором — надевал скромный костюмчик и шел в архивы, делать научные открытия. Жил не очень. Не нравилась мне такая жизнь. Да и бизнес мой к середине девяностых стал как-то сдыхать. Не то чтобы в минус, но уже совсем не в такой плюс.

Одно было здорово: выбрать пару часов, примчаться на берег Амура, желательно без архитектуры всякой. Просто чтобы берег был и река наша великая. Есть такие местечки за поселком Воронеж. Вот туда я и ездил. Для каких дел? Ни для каких. Приехать на реку, встать возле нее, раствориться в ветре, запахах, заблудиться в сопках, уступами спускающихся к воде, ощутить силу места.

Особенно классное ощущение было ранней осенью, когда листва переливалась немислимыми оттенками от кроваво-красного до нежно-золотистого. И эта разноцветная волна катится по сопкам, тянется к речной глади, отражается в ней. И не верится, что это не картинка лихого художника, а просто сопки над рекой. Это было здорово, но мало и редко...

Спасение пришло неожиданно: появились реконструкторы. Сначала всякие толкинисты: эльфы, цвэльфы, гоблины и другие существа. Собирались они в парке «Динамо», в какие-то свои игры играли. Устраивали спектакли для себя. А для игр им нужны

были эльфийские мечи, луки и прочие аксессуары. И ребята эти часто были совсем не из бедных семей.

Тут я и вспомнил про свое увлечение. Думаю: а почему мне не совместить приятное и полезное? Стал для них мастерить всякие мечи, самострелы и прочую красоту. Деньги у меня были: всё-таки какой-никакой промысел у меня получался.

Купил я гараж на окраине, недалеко от башни Инфиделя (это такое странное здание на сопке перед выездом из города на мост через Амур). В ней, сколько себя помню, тусовались хабаровские неформалы. С местными гаражными мужиками по рюмке чая выпил, договорился. Помогли они мне свет протянуть, воду. Даже нужник с душем себе соорудил. До кучи прикупил пару списанных станков, инструменты, оборудовал там мастерскую. Там и делал свои поделки, а коммерцию потихоньку свернул.

Миллиона денег мне это не приносило, но на нормальное житье хватало. Да и времени забирало куда как меньше. Сначала заказов было немного. А потом...

Как-то зашел ко мне приятель студенческих лет. Только он не на истфаке учился, а на филологическом. Ходил в неформалах и реконструкторах. Как увидел мои мечи, кинжалы, так и запал. В тот вечер я продал первый меч и два лука.

На следующий день пришли два чудака с паролем: «Мы от Дмитрия». Потом еще. И понеслось. Я у них сам стал реконструкторским персонажем. Так и говорили: купил у Кузнеця возле башни Инфиделя. Хотя сам я старался от них, как бы сказать, держаться чуть в стороне. Да, хорошие клиенты, но я не из этой тусовки. Как-то оно там было всё... слишком пафосно, что ли. А клиенты всё шли.

Кто только ко мне не приходил. Из Владика, из Иркутска люди обращались. Сарафанное радио в таких делах лучше любой рекламы. Делал им и мечи, и шашки, и даже шпаги. Пистолы делал. Правда, ог-

нестрел требовал огромного времени. То есть просто поделка — это недолго. У меня свой смак был: сделать так, как оно на самом деле было. Но это уже мой прибабах.

Постепенно всякие замки ружейные освоил. Даже колесцовый замок делал. Это такая сложная загогулина, которая считалась шагом вперед на пути совершенствования ручного огнестрела. Его предшественник, фитильный замок, был менее надежным, требовал постоянного доступа к огню. Правда, колесцовый замок приходилось «заводить» ключом для каждого выстрела. Был еще ударно-кремнёвый замок. Поначалу он имел не особенно много поклонников, зато потом, когда его доработали, он больше ста лет был основным. Считай, что до изобретения патрона.

Не только всякие реконструкторы, которые после толкинистов появились, но и нормальные люди заказывали. Кто-то в подарок для друга или начальника заказывал, кто-то себе. А кто-то и любимой в подарок. Я наловчился из металла всякие красивые вещи делать: серьги, браслеты, даже розу раз выточил из бронзы.

Братки тоже заходили. Выкидные ножички-бабочки заказывали. Пару раз даже огнестрельное оружие чинил. И ничего так. Ну бандюки. Жизнь такая, что от бандюков пользы больше, чем от государства. Тем более что бандюки были знакомые: с кем-то вместе учился, с кем-то в секции занимался. Кстати, это и помогло мне от всяких «крыш» избавиться. Наезды были, не без того. Но это так, не серьезные люди, а хулиганье местное. Поскольку парень я был нехилый, смог объяснить, что им здесь не тут.

Так и жил. И честно говоря, жизнь эта мне нравилась. Про меня знали. Обращались часто. Денег хватало. Квартиру не менял: мне на одного и двухкомнатной было выше крыши. Вот ремонт сделал, машину купил. Понятно, что подержанную «тойоту», на таких весь город ездил. Но год не старый, рабочая